

Проработка прошлого и проблема внутренней колонизации

**«ПРОРАБОТКА ПРОШЛОГО»:
УКРАИНСКИЙ ПРАВЫЙ РАДИКАЛИЗМ
В ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ**

В.Н. Ткаченко

Национальная академия педагогических наук Украины

Аннотация: *В статье рассматриваются противоречивые политические последствия глобализации. Кризис национальной идентичности, по мнению автора, выступает источником радикализации политического противостояния в современном мире. Это, в свою очередь, приводит к росту популярности праворадикальных движений. В этом контексте автор анализирует проблемы и перспективы украинской политики.*

Ключевые слова: *«проработка прошлого», глобализация, правый радикализм, либеральная демократия, революция, ОУН, С. Бандера, Украина.*

«Кто говорит: „я люблю Бога“,
а брата своего ненавидит, тот лжец».
(Первое соборное послание святого апостола
Иоанна Богослова. Глава 4, стих 20)

Как и в 1963 году, когда впервые была опубликована статья Теодора Адорно «Что значит „проработка прошлого“?», так и полвека спустя в 2013 году, вопрос, вынесенный в заглавие, все еще нуждается в прояснении.

Пятьдесят лет назад немецкого философа беспокоил тот факт, что «национал-социализм не мертв, и нам до сих пор неизвестно, то ли это просто призрак того, что было настолько ужасным, что и собственная смерть его не убила, то ли он так и не умер и готовность совершить невыразимое подспудно живет в людях, равно как и в окружающем их порядке». Логика изложения состояла в том, что от такой неопределенности человеческий разум хотел бы избавиться. Прежде всего, потому, что в тени этого жестокого прошлого жить невозможно. Ведь если за вину и насилие приходится всегда расплачиваться виной и насилием, то чувству страха не будет конца. Поэтому положить конец этому кошмару было бы справедливо. Однако прошлое, от которого хотят убежать, все еще живо. Разрешая сомнения, Адорно приходит к двум основоположным заключениям. Во-первых, **что к жесту «все забыть и простить» не могут апеллировать виновники жестокости.** Во-вторых, **прошлый исторический опыт нуждается в серьезной проработке, чтобы «чары прошлого рассеялись под воздействием ясного сознания»** (здесь и дальше курсив наш. — Авт.) [Адорно 2005].

Потенциально угрожающая проблема, побудившая Адорно к написанию статьи, формулируется им как «просачивание национал-социализма в демократию». И здесь, на наш взгляд,

следовало бы рассмотреть вопрос под таким углом зрения: а насколько правомочна сама постановка вопроса, когда «национал-социализм» рассматривается как нечто отдельное, что просачивается в нечто другое — «либеральную демократию»?

«Проработка прошлого»

Такое разделение было присуще периоду холодной войны, когда Соединенные Штаты Америки выступали в ореоле светоча либеральной демократии и оплота борьбы против тоталитарных режимов — как нацистского, так и коммунистического толка. По свидетельству профессора Нью-Йоркского университета Крейга Калхуна, который к тому же возглавляет Совет по общественным наукам (Social Science Research Council), *идеологическая установка на отмежевание либеральной демократии от тоталитаризма в послевоенные годы значительно деформировала само видение проблемы об истоках тоталитаризма*. Американские теоретики пытались всячески доказать, что «нацизм — это вообще не наша проблема: нацизм — это было традиционное движение, нехорошее средневековое атавистическое движение, которое возникло откуда-то из прошлого». В итоге исследователи были сориентированы на своеобразный социальный заказ: «Надо было отделить Запад от нацизма. Нацизм вырос не из современности, мы не имеем ничего общего с нацизмом. И, более того, следующий шаг — нацизм очень похож на сталинизм, на прочие тоталитарные режимы, которые мы находим дальше и дальше на Восток от нас. Это другие, — это не мы... *Поэтому надо было отрицать западное и вполне современное происхождение нацизма. Огромные усилия ушли на то, чтобы доказать, что нацизм является aberrацией, что он ничего общего не имеет с современностью, что, конечно же, не так*» [Калхун 2006].

В этой непростой ситуации целенаправленного социального заказа (учитывая американское влияние на развитие социальных исследований в послевоенной Европе) следует отдать должное Теодору Адорно: ставя вопрос о «просачивании» национал-социализма в демократию, он вдруг в процессе анализа приходит к совершенно другой логике изложения. В его толковании истоки нацизма являются следствием реальных проблем, проистекающих из кризиса самой системы современной либеральной демократии: «То, что фашизм продолжает жить, то, что проработка прошлого, о которой столько говорят, до сих пор не удалась, то, что она выродилась в собственную карикатуру — пустое и холодное забвение, *связано с тем, что еще продолжают существовать объективные общественные предпосылки, из которых фашизм произрос*. Его сущность нельзя вывести из одних только субъективных предрасположенностей. Экономический порядок и, в соответствии с его моделью, также и *почти вся экономическая организация способствуют, как и прежде, зависимости подавляющего большинства людей от данностей, над которыми они не властны, и тем самым — незрелости людей. Если люди хотят жить, то им не остается ничего другого, как приспособиться к этим данностям и смириться с ними*. Они должны поставить крест на той самой автономной субъективности, к которой апеллирует идея демократии. *Сохранить же себя они могут лишь в том случае, если откажутся от своего „я“*. Понять это ослепление они могут только ценой того мучительного напряжения сознания, которому препятствует устройство жизни, и не в последнюю очередь — раздутая до тотальности индустрия культуры. *Необходимость такого приспособления, идентификации себя с существующим, данным, с властью как таковой, создает тоталитарный потенциал*. Он усиливается за счет чувства неудовлетворенности и гнева, которое производит и воспроизводит необходимость приспособляться. И так как *действительность, в конце концов, не дает той автономии и того возможного счастья, которое вообще-то обещает понятие демократии, то к ней относятся индифферентно, если и вовсе не питают к ней тайную ненависть. Форма политической организации переживается как не соответствующая общественной и экономической реальности*» [Адорно 2005].

Видит ли Адорно выход из сложившейся ситуации? Предлагает ли он какие-то реальные шаги для искоренения ростков нацизма, появление которых неминуемо рождает сам кризис либеральной демократии? К сожалению, складывается впечатление, что предложения его паллиативные — они облегчают болезнь, но не излечивают ее.

В сложившихся условиях, отмечает Адорно, всемирная история с ее все ускоряющимся катастрофическим ритмом, похоже, и не стремится предоставлять своим субъектам время, за которое все как-то могло бы само собой уладиться. Разве что сохраняется возможность уделить *больше внимания демократической педагогике, в рамках которой «проработка прошлого» помогла бы противодействовать его забвению, тем более — оправданию забытого*. А для этого «педагогике, вместо того чтобы глубокомысленно нести почерпнутый из вторых рук вздор о бытии человека», «следовало бы настоятельно требовать усиления в университетах позиции социологии, которая совпала бы с историческим исследованием нашей собственной эпохи» [там же]. Пример послевоенной Германии показывает, что политическое образование, там, где оно осуществляется всерьез, а не воспринимается как обременительная повинность, приносит больше положительного, чем принято считать. По сути, все зависит от того, в каком виде представляется прошлое: становится ли оно лишь предметом укора, или же мы преодолеваем ужас нацизма, находя в себе силу, чтобы постичь непостижимое. Проблема практического осуществления подобного просвещения могла бы быть решена, по мысли Адорно, пожалуй, только совместными усилиями педагогов и психологов, не избегающих под предлогом научной объективности той насущной практической задачи, которая стоит сегодня перед их дисциплинами.

Ставя задачу «проработки прошлого», Адорно, вместе с тем чувствует всю ограниченность возможностей просветительской педагогики на пути преодоления тех условий, которые ежечасно порождают «объективный потенциал» возрождения национал-социализма. Даже при условии, что демократическая педагогика будет осуществляться более энергично и на других, более глубоких уровнях. Причина тому очевидна: педагогика «воздействует лишь на тех, кто ей открыт, и потому вряд ли предрасположен к фашизму. С другой стороны, укрепить сопротивляемость и этой группы воздействию необщественного мнения — тоже не будет лишним». Прибегая к термину «необщественное мнение», немецкий философ имеет в виду тех, «кто приспособляется к настроению, которое хотя и сдерживается официальным табу, но именно потому становится таким заразным». Важное направление просветительской деятельности — напоминать людям о том, что «явные и замаскированные фашистские новации приносят Европе войну, страдания и нужду в системе, основанной на насилии, и, в конце концов, способствуют русской гегемонии в Европе, короче говоря, что они приводят к политической катастрофе» [там же].

Из текста статьи Теодора Адорно следует, что он не может обойти одно из важнейших направлений педагогики — «воспитания воспитателей». Но здесь, как известно, решающее слово остается за самой жизнью. А потому, учитывая изложенные выше объективные обстоятельства, ежечасно порождающие национал-социализм, окончательный тезис Теодора Адорно звучит не весьма оптимистично: *«Прошлое будет проработано лишь тогда, когда удастся преодолеть сами причины событий прошлого*. Лишь потому, что эти причины продолжают действовать, чары прошлого до сих пор не рассеяны» [там же].

Осознавая ограниченные возможности педагогики, даже если она и демократическая, как здесь не вспомнить мудрость древних: «И если труба, зовущая в бой, звучит неуверенно, то кто же поднимется?». Судя по всему, актуальной все же остается задача не просто объяснить мир, но и кардинальным образом преобразовывать его. Все это наводит на мысль, что если кто-то стремиться упорядочить ход истории, ему вольно или невольно придется использовать марксистские категории или какие-то производные, поскольку других альтернатив, судя по всему, очень немного.

Современные истоки радикализма

День сегодняшний внес коррективы в наше понимание «проработки прошлого». Пятьдесят лет спустя после выхода статьи Теодора Адорно вряд ли уже уместно говорить об угрозе «русской гегемонии в Европе». Ушла в прошлое холодная война. Однополюсный мир во главе с Соединенными Штатами Америки не состоялся. В этих условиях важность США сегодня становится еще более очевидной вследствие ослабления их лидерства в разрешении нарастающих международных кризисов. Представления о силе и слабости в европейской политике претерпели серьезные изменения. Что бы ни говорили о мягкой силе мультикультурализма, но Европейский союз, где официальными стали 23 языка народов Европы, все выразительней заговорил «с немецким акцентом» — кто платит деньги в условиях системного кризиса капитализма, тот и заказывает музыку.

В этих условиях тема об угрозе возрождения национал-социализма в Германии как-то сразу потускнела: напоминать лишний раз немцам о преступлениях нацизма стало вроде бы как политически некорректно. В общественном мнении меняется и отношение к периоду правления коммунистов в Немецкой Демократической Республике. Оно стало более сдержанным и благосклонным в оценке прошлого: на бытовом уровне воспоминания об этом периоде истории ограничивается преимущественно пластиковыми автомобилями и забавными фильмами. Громадные капиталовложения в экономику восточных земель нынешней Германии сделали свое дело: большие деньги, как известно, любят тишину, что создает соответствующий климат для процесса консолидации немецкой нации после процесса объединения.

Соответственно меняется и отношение к периоду нацизма — пережитое прошлое уже не воспринимается столь трагично. Нет сомнения, что в каждом обществе всегда можно найти людей, которые в силу своего характера предпочитают полагаться на авторитет государства, идентифицируют себя с каждой реальной властью как таковой, независимо от конкретного содержания ее политического курса в тот или иной период. Часто они задают тон общественному мнению — «все забыть и простить». К тому же, отмечал Теодор Адорно, что было бы «наивно считать, что национал-социалистический режим означал лишь страх и страдание, хотя именно этим он обернулся даже для многих его сторонников. Очень многим жилось при фашизме совсем неплохо. Террор был направлен лишь против немногих более или менее строго определенных групп. После кризисного опыта предшествовавшей Гитлеру эпохи преобладало чувство „о нас заботятся“... В противовес невмешательству прошлых лет, гитлеровский мир до известной степени действительно охранял от стихийных бедствий общества, перед лицом которых люди раньше были предоставлены сами себе. Он насильственными методами предвосхитил современные способы управления кризисами, став варварским экспериментом по государственному регулированию индустриального общества. Повсеместно задействованная интеграция, организационное уплотнение сети общественных связей, в которую попадало все, обеспечивало также защиту от всеобщего страха провалиться сквозь общественные ячейки и уйти на дно. Бесчисленному количеству людей казалось, что холод отчужденного состояния в его бесчисленных формах был упразднен и заменен неважно как манипулируемым и навязываемым теплом соборности» [там же].

В итоге какая-то часть населения и до сегодня склонна с ностальгией вспоминать время исполнения коллективных фантазий людей, которые, взятые по отдельности, не имели власти, но представляли себя кем-то значимым в ощущении иллюзии такой коллективной власти. Их тяготение к национализму в годы «немецкого экономического чуда» удавалось крепко обуздать, но лишь до тех пор, пока либерализм реально утверждал права отдельных личностей в лоне «социально ответственного государства» как предпосылки их коллективного благосостояния. Однако нынешний финансово-экономический кризис значительно замедлил этот социальный тренд — государство всеобщего благосостояния пребывает в кризисе. Как следствие, в обществе опять появилась ностальгия по «теплу соборности». Национализм, ко-

торый ранее был несколько потеснен в сфере идеологической, в плоскости политики, ежедневной жизнедеятельности и быта то и дело продолжает заявлять о себе как реально действующем факторе — «социальном клее» консолидации общества.

В то же время процесс формирования новой наднациональной европейской идентичности переживает кризис, а идея «Европы» все еще рассматривается экспертами как «незавершенный проект». Конечно, в этом направлении интенсивно изыскиваются соответствующие технологии и механизмы, продолжается поиск критериев того, что значит для эмпирического субъекта «быть европейцем». В годы холодной войны этот проект стимулировался противостоятелем «Запад/Восток». Для современного этапа функционирования европейских ценностей характерно изменение этого противостояния на оппозицию «Запад/Юг», или оппозицию «Европа/Исламский мир», или «Европа/Третий мир». Например, в современной Германии стали популярными сюжеты мусульманской угрозы. Взять хотя бы книгу Тилло Сарацина «Германия самоликвидируется» (2010 г.). В течение года книга разошлась тиражом 1,3 миллиона экземпляров, а 18% немцев, судя по социологическим опросам, выразили свою готовность поддержать партию, которая взялась бы отстаивать изложенные в книге идеи об актуальности возрождения немецкого образа жизни и традиционных духовных ценностей иудео-христианской Европы.

«Глобальное политическое пробуждение», на котором акцентировал внимание Збигнев Бжезинский в ряде своих выступлений — в канадском Монреале (май 2010 г.), российском Ярославле (сентябрь 2011 г.), и французской Нормандии (октябрь 2011 г.) — усиливает радикализацию политического противостояния в мире. Нарастающее состояние политического брожения стало результатом возмущения людей нищетой и презрением их человеческого достоинства, осознания доведенной до беспрецедентного уровня социальной несправедливости. В свою очередь, доступ к радио, телевидению и Интернету содействуют распространению чувств возмущения и зависти, которые пересекают границы и становятся вызовом существующим государствам и глобальной иерархии. В итоге демографический взрыв возрастной группы до 25 лет создал громадную группу населения «третьего мира», заряженную нетерпением. Их революционное ядро — миллионы студентов учебных заведений, часто довольно сомнительного уровня, которые не соответствуют квалификационным требованиям новейшего времени. Осознавая себя в роли будущих безработных мирового уровня, которым не суждено быть востребованными ни в качестве производителей, ни потребителей, они становятся потенциальными революционерами, «являющими собой эквивалент воинственного пролетариата XIX и XX столетий». Складывается безрадостная перспектива: «современные популистские политические страсти могут быть разогретыми и направленными даже на отдаленные цели, несмотря на отсутствие такой объединительной доктрины, как марксизм» [Бжезинский 2010].

Глобальное политическое пробуждение не замыкается «третьим миром». В 1960-е годы оно проявило себя в антисистемных социальных движениях, которые потрясли весь индустриальный мир: сначала в Соединенных Штатах и Франции, потом в Италии, Германии, Испании, Бразилии, Мексике и Чехословакии, во многих других странах. Вторая волна глобального политического пробуждения 1989-1991 годов вылилась в распад Советского Союза, Югославии и Чехословакии, в падение коммунистической системы власти. Третья волна ныне поднялась в странах арабского мира с неясными перспективами достижения общественного согласия в этом регионе. Не стоит также забывать о набирающем силу «движении возмущенных» в Европе как реакции на размывание основ социально ответственного государства «всеобщего благоденствия», а также заявившем о себе в 2011 г. движения «Осциру Wall Street» в США, которое было поддержано приблизительно 40% опрошенных.

Обобщая этот ряд событий, определивших нынешний социальный тренд, было бы уместно сослаться на авторитетное суждение Иммануила Валлерстайна: «Такая смена настроений в мировом масштабе отнюдь не пошла на пользу существующему положению дел,

наоборот, она лишила капиталистическую мировую экономику политической и культурной поддержки. Никогда больше угнетенные не будут уверены, что история на их стороне. Никогда больше не будут они довольны постепенными переменами в надежде на то, что их дети и внуки пожнут плоды их страданий. Никогда больше не удастся их уговорить подождать с сиюминутными требованиями во имя светлого будущего. То есть теперь многочисленные производители капиталистической мировой экономики лишились основного стабилизирующего элемента системы — оптимизма угнетенных» [Валлерстайн 2006: 190].

Приходится констатировать: мир вошел в зону турбулентности с трудно предсказуемыми последствиями. В этом ряду не всеяют особого оптимизма и прогнозы профессора Калифорнийского университета (Беркли) Мануэля Кастельса о том, что XXI век «будет свидетелем роста экстраординарной по историческим стандартам системы производства». Суть проблемы в том, что развиваться отстаиваемая им «сетевая система» глобальной экономики, судя по всему, будет «избирательно, соединяя значимые сегменты и пренебрегая местностями и людьми, которые уже исчерпали свой потенциал или не представляют интереса в данный момент». То есть, определяющей тенденцией становится сегрегация социально отвергнутых слоев населения, приобретающая глобальные масштабы, когда «планета сегментируется на отчетливо различные пространства, определенные различными временными режимами». Перед отвергнутыми сегментами открываются две возможности. Первая — «глобальная криминальная экономика... станет фундаментальной чертой XXI века». Вторая перспектива — «взрыв фундаменталистских движений, которые берут Коран, Библию или другой священный текст для интерпретации и использования его в качестве знамени своего отчаяния и оружия своего гнева. Различного рода фундаментализмы, происходящие из различных источников, будут представлять самый бескомпромиссный вызов одностороннему господству информационного глобального капитализма. Их потенциальный доступ к оружию массового уничтожения бросает гигантскую тень на оптимистические перспективы информационной эпохи» [Кастельс 2000].

Прогнозы английского исследователя левого толка Терри Иглтона еще более драматичны. Он предполагает, что главный кризис капитализма произойдет, вероятно, в следующие десятилетия. Будущее, конечно, будет отличаться от настоящего, но никто не станет гарантировать, что оно будет сколь-нибудь лучше: «Но поскольку Запад стягивает свои фургоны во все более тесные круги и отгораживается от отчужденного, изгнанного, нищего населения „исключенных“ (как дома, так и за границей); и поскольку гражданское общество все больше разрушается до основания, не нужен Нострадамус, чтобы увидеть пятно бури на горизонте». Глобализация углубляет и усложняет эту проблему. Если одна часть мира тесно связана с каждой другой частью, то потрясения в первой рано или поздно могут означать взрыв в другой и кризис в третьей. Таким образом, современная мир-система капитализма, по мысли Т. Иглтона, **«вполне способна к разрушительной остановке... Вот почему настолько необходимы оппозиционные силы: для того, чтобы сопротивляться как можно дольше фашизму, погромам и дикости, которые должны явиться результатом главного кризиса системы»** [Иглтон 2002].

Таким образом, все говорит о том, что либеральная демократия и фашизм связаны как сямские близнецы, пребывая в дуальной оппозиции друг к другу. Во всяком случае, осуждая фашизм, мы не должны забывать, что дорогу к нему до сих пор прокладывал именно кризис либеральной демократии.

Фашизм и революция

Чтобы сопротивляться фашизму, необходимо, очевидно, прежде всего, осмыслить этот феномен XX века, определить его сущность и движущие силы. Ключом к пониманию потрясений этого столетия, по мнению выдающегося британского историка, профессора Лон-

донского университета и члена Королевской академии наук Эрика Хобсбаума, есть признание того факта, что «это был крах буржуазного общества XIX века и соответствующего ему специфического типа капитализма. Они рухнули, и их надлежало реконструировать на новой основе. Именно в этот период, который я назвал „эпохой катастроф“, с 1914 года и до конца 40-х, то есть первых послевоенных лет, само будущее капитализма было под вопросом... Однако Великая депрессия и Вторая мировая война дала толчок трансформации капиталистического хозяйства на новой основе. Последовали быстрые перемены — экономические, социальные и культурные, — которые изменили мир до неузнаваемости. Это обусловило новый миросистемный кризис, наблюдаемый сегодня» [Хобсбаум 2004].

Естественно определить место и роль ультраправого радикализма, как в процессе обновления капитализма, так и в час переживаемого ныне миросистемного кризиса. Значительный объем работы в этом направлении был проделан в 1990-е годы профессором Университета «Оксфорд Брукс» Роджером Грифффином (кстати, в последнее время этот автор уделяет значительное внимание исследованию движений правого толка в Украине). Краеугольный тезис концепции Грифффина состоит в том, что он рассматривает итальянский фашизм и немецкий нацизм (часто объединяя их общим понятием «фашизм») как радикальную форму «революции справа». Столь неожиданное объединение этих двух понятий — «фашизм» и «революция» — нуждается в дополнительном анализе.

Молчаливо предполагается, что «настоящие» революции не просто заменяют одну социально-политическую, экономическую и технологическую систему другой, но и позволяют человечеству (или его части) перейти при этом на более высокую степень развития. Марксисты стремятся создать новое общество без эксплуатации, отстаивая за собой монополию на светлое послереволюционное будущее и обвиняя своего соперника — фашизм — в ретроградной защите капиталистической системы. Что же касается либеральных авторов, то многие из них демонстрируют другое заблуждение. Они используют термины «Американская революция», «Французская революция», «Русская революция» для описания качественного скачка в общественном развитии, однако не готовы признать революционным такое общественное движение как фашизм. Да и вообще либералы, как правило, не признают существования какой-то цельной фашистской идеологии, считая ее просто смесью культа личности, оголтелого национализма и организованной жестокости.

Как это ни противоречит устоявшимся взглядам, Р. Грифффин берет на себя смелость утверждать, что идеология фашизма вполне революционна. И в этом вопросе он не одинок: на протяжении 1990-х годов вовне марксистского лагеря рос консенсус относительно того, что фашизм представляет собой форму популистской политики обновления, черпающей идеологическое сцепление и мобилизационную силу из грез о приближающемся национальном возрождении. Кризис либеральной демократии, воспринимаемый фашистами как национальный упадок и декаданс, сменяется в этой идеологии эрой предстоящего обновления в новом постлиберальном миропорядке. В силу этого, фашистское движение позиционирует себя как некую революцию, конкурирующую с коммунистической: «даже если ультраправые, в общем, представляют собой консервативные (ретроградные) силы, то, по крайней мере, в своих фашистских проявлениях, эта идеология в действительности функционирует как революционная» [Грифффин 2012].

В итоге, рассмотренный под этим углом, фашизм представляется по сути революционной формой шовинистического и антилиберального ультра национализма, нацеленного на мобилизацию масс для искренней поддержки *снизу* тех резких действий самопровозглашенной *сверху* элиты, как якобы крайне необходимых для спасения нации от смертельной угрозы. В этой идеологии провозглашается задача создания нового типа государства, основанного на энергии, берущей свои истоки в возрожденной нации, сплоченной страстными патриотическими чувствами. В ней широко культивируются метафоры «крови» и «расы». Обращение к распаду и смерти трактуется в роли предвестника новой жизни, в которой принесение в жерт-

ву становится частью развертывающейся эпической формы истории. Фашистский национализм представляет собой мифический воображаемый мир, в котором требования Истории, Судьбы и Провидения, воплощенные в нации, довлеют над индивидом, где сочувствие ко всем человеческим существам, независимо от их расы и ценности для общества, рассматривается как признак духовного упадка, который необходимо преодолеть.

Тяготение фашизма к политике общественных потрясений тоже требует пристального анализа в общецивилизационном аспекте. Что и говорить, все революции по определению деструктивны, поскольку один сегмент общества логикой событий неминуемо претендует на предпочтение всем другим, якобы «сдерживающим прогресс». Так, либеральная революция подразумевает уничтожение феодального или коммунистического «старого режима». Коммунистическая революция, со своей стороны, требует уничтожения буржуазного капитализма, что на практике не раз уже приводило к массовому террору. Даже «бархатные революции» в Польше и Чехословакии разрушали систему, создававшую многим обычным людям определенную стабильность, материальную обеспеченность и социальный мир. То есть, реальный социализм худо-бедно, но предоставлял населению многое из того, что быстро исчезло с наступлением «дикого капитализма». То же самое произошло на постсоветском пространстве.

Однако радикализм фашистской революции оказался избирательным — основным его фокусом была не цивилизация, не общественный строй, а «своя» нация: «Фашисты пытались возродить итальянцев, разбудив в них героические качества Древних Римлян. Нацисты приняли все возможное для сплочения всех здоровых этнических немцев в объединенную национальную общность, *Volksgemeinschaft*» [там же]. И как только теория генетической или расовой чистоты появляется на горизонте видения будущего национального величия, то становится логичным проветь зерно и избавиться от шелухи. Для фашистского революционера уничтожение врагов является интегральной частью перманентной революции. Спецназ Третьего Рейха насчитывал сотни тысяч фанатичных последователей, готовых быть жестокими «на благо нации». Поставив во главу угла расовое здоровье и гигиену, лженаука евгеника определила врагами чистоты нации целые категории людей: от евреев (убито до 6 миллионов) и цыган (убито свыше 750 000) до гомосексуалистов. Под эту категорию попадали также физически и умственно неполноценные, большинство которых стало жертвами программы систематического уничтожения: более 320 000 этнических немцев было стерилизовано, а еще около 150 000 убито для «улучшения здоровья нации». Это не считая миллионов славянских военнопленных и оstarбайтеров, которые попали в рабство или были убиты как воплощение расовой неполноценности. Не удивительно, что нацистские попытки реализовать свои фантазии относительно Нового Мирового Порядка привели к войне, бесчеловечности, массовому порабощению, массовым убийствам и геноциду невиданного масштаба.

Подводя итоги, Р. Гриффин констатирует, что фашизм является радикальной формой «революции справа». Понятное дело, что эта идея, из всех ревизионистских требований последних десятилетий, оказалась наиболее сложной для принятия в Европе. Особенно тот тезис, что немцы при Гитлере «жили в революционно новую эпоху». Тем не менее, в Европе постепенно возобладало понимание того, что годы нестабильности в Италии после Первой мировой войны, также как и коллапс Веймарской республики после 1929 года, внесли в сознание людей чувство «ужаса перед историей» и глубокой угрозы самому своему существованию. В этих условиях фашизм сработал как эрзац-религия, дав ощущение эйфории коллективной защищенности в чувстве принадлежности к нации. Фашизм не был антикапиталистическим, но он пытался создать альтернативную современность: радикально выступая против индивидуалистского, материалистического духа капитализма (особенно международного), он пытался заменить его всеобъемлющим чувством лояльности к нации, привнеся, таким образом, в жизнь людей иллюзию эрзац-духовности.

Эти мысли Гриффина перекликаются с суждениями Адорно, высказанными полстолетия назад: «С субъективной стороны, то есть, исходя из работы человеческой психики, нацио-

нал-социализм способствовал непомерному росту коллективного нарциссизма, проще говоря, национального тщеславия. Инстинктивные нарциссические побуждения отдельного человека, которым очерствелый мир предоставляет все меньше возможностей для удовлетворения, но которые, тем не менее, продолжают существовать в неослабленном виде, пока цивилизация отказывает им в столь многом, находят суррогатное удовлетворение в идентификации с целым» [Адорно 2005]. Адорно считал, что все эти проявления коллективного нарциссизма и тщеславия не были преодолены, но продолжают существовать втуне в подсознании, наращивая латентный потенциал радикализма, готовый выплеснуться вовне в любой критический момент.

Украинский правый радикализм

На фоне этой значительной переоценки периода фашизации Европы в сторону признания ее «революционной новой эпохой», было бы, очевидно, целесообразным рассмотреть и призыв Европарламента от 13 декабря 2012 года к оппозиционным демократическим силам Украины: не сотрудничать с Всеукраинским объединением (ВО) «Свобода», не поддерживать и не формировать коалиций с этой партией из-за того, что ее члены прибегают к распространению «расистских, антисемитских и ксенофобских взглядов». Интригу в эту ситуацию внес еще один дополнительный факт: депутатами Европарламента не была принята другая поправка (Михаэля Галера от группы народных партий) с призывом к украинским демократам отказаться от сотрудничества с Компартией Украины. Таким образом, попытка подвести под одну черту преступлений прошлого — как коммунистов, так и националистов — не увенчалась успехом. В итоге, украинские коммунисты получили от Европарламента своеобразную фору, чем было проиллюстрировано, что «проработка прошлого» в Европе, судя по всему, все еще несет на себе печать избирательности, где присутствует фактор двойственной морали по отношению к тоталитарным режимам прошлого.

Импульсом для призыва Европарламента послужил заметный успех на выборах в Верховную Раду Украины 2012 года Всеукраинского объединения (ВО) «Свобода» — 10,4% голосов по системе пропорционального представительства. Это стало сюрпризом, как для международных политических наблюдателей, так и украинских избирателей, поскольку «Свобода» получила почти вдвое больше голосов, чем прогнозировали различные социологические службы.

Однако, если рассматривать проблему в общеевропейском контексте, то в столь значительном результате праворадикальной партии нет ничего экстраординарного. Так, достаточно вспомнить возглас Юрия Карякина «Россия, ты одурела», когда в 1993 году за либерально-демократическую партию России было отдано 22,9% голосов. Можно вспомнить и 49,1% голосов отданных в октябре 1997 в Сербии за Воислава Шешеля, или 17,9% голосов, отданных за Жана-Мари Ле Пена, лидера Национального фронта на президентских выборах 2002 года во Франции. Среди недавних событий — 16,7% голосов, отданных за Движение «За лучшую Венгрию» (Йоббик) на венгерских парламентских выборах 2010 года.

Что касается проведения своеобразного «санитарного кордона» вокруг радикально националистических партий, то в каждой стране присутствуют свои характерные особенности. В принципе, как отмечает упомянутый Р. Гриффин, в каждом обществе всегда есть 10-15% людей, которые нетерпимы по своей природе — крайние националисты, ксенофобы, экстремисты. В каждой стране проблема взаимоотношения с ними решается по-своему. Так, в 1999 г. радикально правая Австрийская партия Свободы Йорга Хайдера получила на федеральных выборах 27% голосов и вошла в состав правительственной коалиции. После этого Австрия моментально стала изгоем внутри Европы, а 14 стран ЕС резко сократили с ней сотрудничество. С точки зрения европейцев, произошло немыслимое — в Европе рухнул негласный санитарный кордон, не допускавший в большую политику радикальных националистов. В ито-

ге Хайдер ушел в отставку, сложив с себя формальный титул лидера АПС. Так же и во Франции — Национальный фронт никогда не брали в правительственную коалицию, поскольку он позволяет себе ксенофобские высказывания. Однако есть и другие примеры. На выборах в 1996 г. в Италии «Лига Севера» получила 30 мест в палате депутатов, 17 в сенате и 5 министерских портфелей. К привычной ксенофобии этой партии по отношению к неаполитанцам и сицилийцам в последние годы прибавилось и нагнетание фобий перед беженцами из арабских стран, а также гастарбайтерами из Молдовы и других стран Восточной Европы. Подобные ксенофобские настроения преобладают ныне и в Швейцарии, где запрещено строить мечети и чрезвычайно тяжело получить разрешение на трудоустройство. Так что не все так просто и однозначно и в самой Европе.

В общем итоге, Европа стала более терпимой по отношению к правым движениям, набирающим силу на волне иммиграционной или социолингвистической ситуации в каждом конкретном государстве. Поэтому, и оценка Р.Гриффином украинской партии «Свобода», чьи лидеры провозглашают стремление к либеральной демократии именно для украинцев, такова: «Это форма либерализма, а не фашизма... И это не то, что хотел, например, Адольф Гитлер. Он не желал либерально-демократического, капиталистического государства. Даже если бы оно было исключительно для этнических немцев. Он стремился к революционному, новому типу тоталитарного государства. Если говорить о „Свободе“, то это правая популистская партия. Ее позиция — отпор историческим и этническим тенденциям, которые заполонили Европу. И понятно, что вопросы идентичности перед украинцами, которые длительное время не имели собственного национального государства, стоят еще серьезней. То есть, это еще и исторический реванш» [Гриффин 2012: 31].

Что же собой представляет электорат, который поддержал эту радикальную партию? Вопреки укоренившемуся мнению, которое активно распространяют политические противники «Свободы», этих людей нельзя отнести к категории выходцев из регионального захолустья, которые, дескать, отстаивают ретроградные позиции. Согласно результатам Национального экзит-полла, проведенного непосредственно после голосования 28 октября 2012 года, электорат этой правой популистской партии оказался с отрывом самым образованным и городским: 48% опрошенных избирателей «Свободы» указали, что они имеют диплом о высшем образовании, а 47,5% оказались жителями областных столиц. Эти данные значительно выше аналогичных показателей крупных националистических партий в других европейских странах. И они заставляют задуматься на предмет социальной базы правого радикализма, ведущего, в своем крайнем выражении, к тоталитаризму.

Как показывает анализ Р. Гриффина [Гриффин 2012], в последние десятилетия в мире было сделано несколько логически обоснованных шагов по направлению к новому осмыслению тоталитаризма. В англоязычном мире предвестником этих перемен стала книга Саймона Торми «Понимание тирании», увидевшая свет в 1995 г. В ней утверждалось, что «прежде всего тоталитаризм происходит из радикализма, из недовольства настоящим, превращаясь в жажду нового». Репрессивный государственный аппарат тоталитаризма является внешним проявлением поиска «идеи, реализация которой состоит в полной трансформации самой природы человеческого бытия». ***Эта ведущая идея в той или иной форме находит свое воплощение в палингенетической идеологии, иными словами — идеологии «возрождения»*** нации, государственности, цивилизации и т. д.

В работах итальянского исследователя Эмилио Джентиле установление тоталитаризма означает, с одной стороны, попытку политического доминирования, предпринимаемую революционным движением, обладающим интегралистским пониманием политики и стремящимся к монополии на власть. После достижения власти законным или незаконным путем, это движение уничтожает или трансформирует предыдущий режим и создает новое государство, основанное на однопартийном режиме, главной целью которого является поработенное общество. Таким образом, это движение стремится подчинить, объединить и гомогенизировать

подвластное ему общество на основе интегральной политизации жизни — общественной и личной. Здесь мифы и ценности воплощаются в идеологии «возрождения», узаконенной в форме политической религии. Ее целью является становление нового человека, душой и телом преданного выполнению задач тоталитарной партии. Конечной целью является создание новой цивилизации.

Но, с другой стороны, принципиально новым в изложении Джентиле является вывод: сама логика «возрождения» вынуждает создавать сложную политическую религию не для того, чтобы обманывать и манипулировать массами, но в целях создания нового человека. Весь парадокс ситуации усиливается тем, что *либеральные или гражданские общества также стремятся к сакрализации политики в целях укрепления внутреннего чувства законности и поддержания общественного консенсуса*. Именно из этого проистекает «гражданская религия», которая, например, является заметным элементом политической культуры США. В итоге, наш анализ приводит к тому, что *«санитарный кордон» между тоталитарными и либеральными обществами несколько размывается*. А это дает основание для историков и социологов к пересмотру традиционных подходов к решению проблем консенсуса, законности и сопротивления с той точки зрения, что, возможно, *на некоторых этапах развития тоталитарного общества возникает подлинный симбиоз официального мировоззрения «возрождения» и народных стремлений к участию в историческом процессе обновления и возрождения*.

Анализ электората «Свободы» в части его отношения к идеологии этой партии показывает, что о достижении какого-то устойчивого консенсуса здесь речь не идет. По мнению авторитетного в научных кругах доцента Национального университета «Киево-Могилянская академия» Андреаса Умланд, явно идеологически мотивированный электорат «Свободы» составляет, возможно, менее половины от общего числа избирателей партии. А у неидеологической части избирателей можно выделить три предполагаемых мотива для их голосования в пользу «Свободы». Голосование первых было своеобразным протестом против действующего курса, который они воспринимали как антиукраинский, в частности, из-за принятия закона о государственной языковой политике, повышающей статус русского языка. Вторую группу представляют собой стратегически ориентированные избиратели, которые отдали свой голос «Свободе» для того, чтобы обеспечить наиболее жесткую оппозицию правительству. Им импонировала жесткая дисциплина, резко очерченный идеологический профиль и ярко выраженный революционаризм представителей партии «Свобода» в уличных акциях. Избиратель увидел в этом залог последовательности в оппонировании правительственному курсу. И, наконец, третью группу составляли избиратели, которых можно трактовать как «тактических» попутчиков. Основываясь на неясных предвыборных прогнозах для «Свободы», которая могла и не преодолеть барьер в 5%, они хотели гарантировать третьей оппозиционной партии прохождение в парламент. Только впоследствии выяснилось, что такая тактическая поддержка оказалась излишней [Умланд 2012].

Таким образом, в условиях Украины идеология «возрождения», которая присутствовала на уровне политических лозунгов первых лет независимости, так и не превратилась в новую политическую религию. Но это не значит, что пути в этом направлении уже окончательно заказаны. Многие будут зависеть от того, насколько «проработка прошлого» коснется идеологии, политики и практики предшественника «Свободы» — Организации Украинских Националистов и ее вождя Степана Бандеры.

Непринятие традиции ОУН

По наиболее общему признаку членства Всеукраинской организации «Свобода», ее партийный состав Р. Гриффин разделяет на две группы: «Одни защищают либеральную демократию, одновременно выступая за более широкие права украинцев, которые исторически были

угнетены и нуждаются в обновлении идентичности. А другие имеют фашистские, расистские убеждения» [Гріффін 2012: 31].

Дифференцировано к вопросу идентификации кадрового состава партии «Свобода» пытается подходить и А. Умланд: «Неслучайно, что некоторые функционеры „Свободы“ имеют заметный интерес к межвоенному европейскому фашизму, включая его немецкие разновидности, такие как „левые“ течения в НСДАП (напр. штрассеризм) или „консервативная революция“. Но все же „Свободу“ не стоит классифицировать, ни как нацистскую, ни как неонацистскую партию. Социал-национализм „Свободы“ продолжает не германской национал-социализм, а скорее идеологическую традицию ОУН и близких к ней теоретиков — таких как Дмитрий Донцов — которые, правда, в свою очередь находились в 1930-х под влиянием европейского фашизма, не в последнюю очередь немецкой „консервативной революции“. Таким образом, „Свободу“ можно только частично отождествлять с германским классическим фашистским движением» [Умланд 2012].

Оценки этих авторов, на позициях которых в значительной мере уже обозначилась достигнутая в Европе тенденция к «проработке прошлого» касательно переосмысления сущности тоталитарных режимов, как мне кажется, уже в чем-то сказала на подходе рабочей группы украинских историков при Правительственной комиссии по изучению деятельности Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии (ОУН-УПА). В частности, в итоговом документе комиссии подчеркивалось, что сами организаторы и идеологи ОУН стремились заимствовать элементы политических и социально-экономических программ итальянского фашизма. В частности, в решениях конгресса ОУН 1929 г. содержались элементы, которые роднили политический образ будущей Украинской соборной державы с фашистским вариантом корпоративной системы. В дальнейшем развитии мировоззренческих основ, идеологии и политической практики ОУН, по мнению экспертов, также присутствовал ряд моментов, которые роднили их с радикальными и тоталитарными движениями и режимами, прежде всего с итальянским фашизмом и немецким национал-социализмом. Однако при этом весьма важно обратить внимание на существенное предостережение экспертов — схожесть определенных черт идеологий и политических программ не может служить поводом для отождествления различных за происхождением движений или режимов: каждый из них должен нести ответственность сам за себя.

Более того, при «проработке прошлого» нам не уйти от другого аспекта: ориентируясь на евроинтеграцию и отвергая духовное наследие оуновского «интегрального национализма», можем ли мы, при этом проводить своеобразный «санитарный кордон» между деятельностью ОУН и практикой советского тоталитарного режима? Итоговый документ ведущих украинских историков убеждает в том, что успеха на этом пути нам не видеть: «Если принять во внимание набор внешних и функциональных признаков в определенный период существования ОУН (например, культ вождя, стремления установить монопартийную диктатуру, построение четкой партийной иерархии с железной дисциплиной, придания идеологии черт религиозного мировоззрения и т.д.), то эту организацию можно отождествить с советским тоталитаризмом. Специфическое отождествление ОУН с итальянским фашизмом или немецким национал-социализмом было или ситуативным, или использовалось как оружие политической борьбы» [Організація українських націоналістів... 2005: 38].

Вот этот шлейф прошлого, в котором можно обнаружить и элементы фашизма, и нацизма, и советского тоталитаризма во многом объясняет достаточно критическое отношение в Украине к деятельности ОУН. Современный украинец не может не учитывать и характеристику личного состава ОУН в годы ее активной борьбы: речь идет о невысоком уровне образованности, что сказалось и на низких организационных способностях кадрового состава. Все это обусловило широкое непринятие нынешним массовым сознанием Украины идеологии «интегрального национализма» в его оуновской интерпретации: «Украинский национализм в современной доминирующей интерпретации пребывает в плену узкой исто-

рико-ретроспективной локализации, то есть, он отягощен грехами интегрального национализма. Слишком тесная связь с деятельностью националистических организаций 30-40-х годов XX ст. стала преградой тому, чтобы его приняли и усвоили также другие течения политической мысли и политические движения» [Лісовий, Проценко 2006: XIII].

А о том, что «интегральный национализм» ОУН мало в чем изменился за последние 50 лет, в украинской науке уже сложился определенный консенсус. Например, по свидетельству авторитетного канадского исследователя украинского происхождения Ивана Лысяка-Рудницкого: «Украинский национализм подходит под понятие тоталитарного движения», а «утверждение о том, что националистическое движение уже в 1943-44 годах перешло на демократические позиции, не имеет достаточных оснований» [Лысяк-Рудницький 1994: 250, 256]. В том же контексте дают свою оценку и историки упомянутой выше правительственной рабочей группы: в бандеровской ОУН «произошла идеологическая герметизация, базированная на публицистической риторике образца 1930-х гг. Глорификация образа С.Бандеры после его трагической гибели и политико-идеологическая самоизоляция ОУН(Б) исключили возможность содержательной идеологической эволюции» [Організація українських націоналістів... 2005: 39].

В итоге круг замкнулся — достаточно трудно в нынешней Украине массово переубедить какой-либо значительный контингент населения, особенно восточных и южных областей, в том, что «свой», «родной» украинский тоталитаризм будет нам духовно ближе, нежели «чужой» — советский тоталитаризм. Более того, отдавая свои голоса Компартии Украины, радикальный электорат этих регионов предпочитает все-таки привычную форму советского тоталитаризма. Все это усугубляет ситуацию «двух Украин», проистекающую из обстановки 20-30-х годов XX ст. — большевизации Евразии и фашизации Европы. Но, в конечном итоге, если верить Теодору Адорно, «к обеим версиям тоталитаризма предрасположены одни и те же типы людей», то есть — в своей массе и необандеровцы, и некоммунисты представляют собой один и тот же психологический тип. Эти люди «располагают лишь слабым „я“ и поэтому в качестве эрзаца нуждаются в идентификации с большими коллективами, в которых они могли бы укрыться» [Адорно 2005].

Хотя объединение «Свобода» и позиционирует себя как «всеукраинское», его деятельность вряд ли способствует решению проблемы «двух Украин». Например, А. Умланд обращает внимание на то, что, с одной стороны, электорат радикального национализма сконцентрирован преимущественно в западных регионах: Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская области (Галичина). С другой стороны, «Свобода» настойчиво декларирует свои всеукраинские претензии, и даже добилась уже определенной поддержки со стороны протестных стратегических и тактических попутчиков. Однако, в конечном итоге, идеологические установки ОУН и образ Степана Бандеры в большинстве областей Украины наталкиваются на активное неприятие.

К сожалению, среди определенных групп населения Украины это негативное восприятие Бандеры огульно проецируется на жителей западных регионов в целом. Процесс усиления взаимопонимания между отдельными регионами Украины усложняет и тот факт, что жителям восточных и южных областей Украины трудно преодолеть порочный советский стереотип восприятия жителя Галичины как якобы бандеровского ксенофоба, предателя и коллаборациониста. Нужны годы и десятилетия для осознания того, что Западная Украина в течение 600 лет была в составе других государств — Польши, Венгрии, Австрии. И лишь в сентябре-октябре 1939 г. этот регион был присоединен к Советскому Союзу. Вряд ли за короткий промежуток в полтора года (до июня 1941 г.) ее население могло принять СССР как свое Отечество. Тем более, что насильственная коллективизация разрушала веками устоявшийся образ жизни, а значительный контингент жителей региона был репрессирован и депортирован. В этих условиях советская власть воспринималась галичанами как оккупационная, а борьба

против «советов» считалась в общественном мнении не предательством, а национально-освободительным движением под руководством ОУН.

На ситуацию влияли и внешнеполитические факторы Второй мировой войны. Так, 30 июля 1941 года Лондонское польское эмигрантское правительство договорилось с Кремлем о сотрудничестве (пакт Сикорского-Майского). Восстанавливая прекращенные 17 сентября 1939 года в одностороннем порядке дипломатические отношения, советское правительство признавало советско-германские договоры 1939 года утратившими силу в части территориальных изменений в Польше. В приложении к соглашению указывалось, что советское правительство предоставляет амнистию всем польским военнопленным и содержащимся в заключении на советской территории польским гражданам. Учитывая этот факт, можно предположить, что какая-то часть населения Западной Украины могла полагать, что снова возобновила гражданство польского государства, а потому по определению эти люди не могли трактовать себя в роли предателей СССР, гражданами которого они уже себя не считали.

Можно ли в одночасье преодолеть негативные стереотипы относительно различных регионов Украины, оставшиеся в наследство от советского прошлого? Сомнительно. Намечившаяся в украинской и западной историографии тенденция к переосмыслению истоков и движущих сил праворадикальных и откровенно фашистских течений вряд ли в состоянии изменить стереотипы, навязанные в свое время советским черным пиаром. Судя по всему, они еще долго будут отравлять общественное сознание Украины. Во-первых, потому что экспертная дискуссия о правильности и значении тех или иных исторических фактов и интерпретаций касательно бандеровской ОУН если и имеет, то только ограниченное политическое значение. А, во-вторых, что касается массового политического сознания, то здесь влияние ученых всегда достаточно опосредствовано и весьма протяженно во времени. Отраженное в школьных учебниках, это знание может дать эффект лишь спустя много лет. К тому же, многие страницы деятельности ОУН вряд ли кому удастся обелить. В свете вышесказанного, можно принять вывод А. Умланд: «Какими бы ни были причины раскола в историческом сознании украинцев, и как бы ни развивалась дискуссия среди исследователей новейшей истории — в ближайшие годы следует ожидать, что негативное отношение подавляющего большинства южных и восточных украинцев к ОУН-УПА не изменится. Наоборот, в свете новых научных публикаций о деятельности лидеров ОУН(Б), оно может усилиться» [Умланд 2012].

Этот вывод лишь подтверждает прогноз рабочей группы историков при Правительственной комиссии по изучению ОУН и УПА, изложенный еще в 2005 г.: «Противостояние между сторонниками и противниками националистов, между ветеранами ОУН и КПСС, УПА и Советской Армии со временем лишь обострится. Определяя свое отношение к ОУН-УПА, украинскую власть при любом решении будет подстерегать опасность протеста со стороны какой-то части общества. Единственный выход состоит в демифологизации деятельности, с одной стороны, ОУН-УПА, а с другой — Кремля, в распространении исторической правды, какой бы она ни была» [Організація українських націоналістів... 2005: 4].

Конечно, в анализе следует учитывать и особенности нынешней политической борьбы в Украине. Самопозиционирование «Свободы» как новых бандеровцев имело бы смысл, если бы они, по примеру таких европейских правых как бельгийский «Фламандский интерес» или итальянская «Северная лига», исповедовали бы сепаратизм и требовали отделения, например, Галичины от Украины. Но свободовцы, напротив, неустанно подчеркивают, что руководствуются принципом объединения и сохранения Украины в ее сегодняшних границах, надеясь существенно расширить свое электоральное поле. Не исключено, что им действительно удастся создать отдельные ячейки электоральной поддержки на левобережной Украине. Однако, судя по всему, для большинства русскоговорящих украинцев, да и многих украиноязычных, это скорее станет фактом их отчуждения от идеи соборной украинской нации, чем фактором единения. Уже сегодня видно, что многие ответственно рассуждающие умеренно националистические украинские интеллектуалы и политики стараются дистанцироваться от «Сво-

боды». Но при этом, исходя из особенностей расклада сил в Верховной Раде Украины, некоторые оппозиционные партии уклоняются от политики «санитарного кордона» с правыми, а тем более избегают дебатов по вопросу бандеровского прошлого. В итоге проблема научной «проработки прошлого» усложняется, часто отдается на откуп дилетантам, которые, к сожалению, во время различных ток-шоу заполняют телеэфир низким уровнем высказываний при отсутствии профессиональных выводов и суждений.

На наш взгляд, эта ситуация чревата откладыванием на неопределенное будущее перехода Украины от фазы «идентичности сопротивления» к конструктивной фазе «идентичности проекта». А именно в последнем нуждается современное украинское общество перед вызовом все усложняющихся проблем глобализации и нарастания феномена «глобального политического пробуждения», который еще не раз напомнит о себе в предстоящих избирательных кампаниях.

Адорно Т. 2005. Что значит «проработка прошлого»? — *Журнальный зал. Неприкосновенный запас*. — № 2-3 (40-41). — Доступно: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4.html>. — Проверено: 14.10.2013 г.

Бжезинский З. 2010. Глобальное политическое пробуждение. — Бжезинский З. *Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы*. — М.: Международные отношения. — Доступно: <http://politzone.in.ua/index.php?id=752>. — Проверено: 14.10.2013 г.

Валлерстайн И. 2006. *Миросистемный анализ: введение*. — М.: Издательский дом «Территория будущего».

Гриффин Р. 2006. *Палингенетическое политическое сообщество: переосмысление легитимации тоталитарных режимов в межвоенной Европе*. — Доступно: http://www.shekhovtsov.org/translations/Roger_Griffin-Palingenetic_Community.pdf. — Проверено: 14.10.2013 г.

Гриффин Р. 2012. *Революция правых: фашизм*. — Доступно: <http://www.fti.dn.ua/-metlov/griffin.html>. — Проверено: 14.10.2013 г.

Иглтон Т. 2002. *Убежище в буре истории*. — Доступно: http://scepsis.net/library/id_1664.html. — Проверено: 14.10.2013 г.

Калхун К. 2006. *Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал*. — Доступно: <http://www.inop.ru/files/calhoun.doc>. — Проверено: 14.10.2013 г.

Кастельс М. 2000. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. — Доступно: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/09.php. — Проверено: 14.10.2013 г.

Умланд А. 2012. *Типичная разновидность европейского правого радикализма?* — Доступно: <http://www.geopolitika.lt/print.php?artc=5801>. — Проверено: 14.10.2013 г.

Хобсбаум Э. 2004. *Масштаб посткоммунистической катастрофы не понят за пределами России*. — Доступно: http://scepsis.net/library/id_421.html. — Проверено: 14.10.2013 г.

Гриффин Р. 2012. *«Свобода» хоче ліберальної демократії, але тільки для українців*. — *Країна*. — № 33.

Лісовий В., Проценко О. 2006. *Націоналізм, нація та національна держава*. — Лісовий В., Проценко О. *Націоналізм: антологія*. — 2-ге вид. — К.: Смолоскип.

Лисяк-Рудницький І. 1994. *Історичні есе*. Т. 2. — Київ: Основи.

Організація українських націоналістів... 2005. *Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія*. Фаховий висновок робочої групи істориків при Урядовій комісії з вивчення діяльності ОУН і УПА. — Київ, Наукова думка.